

Исследовательская рефлексия

DOI: 10.19181/inter.2025.17.3.4
EDN: FGZSUI

Проницаемые границы исследовательской субъектности в религиозном поле¹

Ссылка для цитирования:

Балацук Е. С., Володин Д. М. Проницаемые границы исследовательской субъектности в религиозном поле // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 3. С. 79–95. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.3.4> EDN: FGZSUI

For citation:

Balatsyuk E. S., Volodin D. M. (2025) The Permeable Boundaries of Research Subjectivity in the Religious Field. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 3. P. 79–95. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.3.4>

Балацук Елизавета Сергеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ebalatsyuk@hse.ru

Володин Даниил Михайлович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ancienttneicna@gmail.com

В статье рассматривается проблема формирования границ исследовательской субъектности в процессе этнографической работы. Разведение ролей исследователя-полевого и исследователя-теоретика предлагается в качестве методологического эксперимента, который позволяет углубить представление об анализе эмпирического материала. Как на исходный кейс авторы статьи опираются на данные дневников наблюдения, собранные в ходе

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта научно-учебной группы «Социальные исследования религии», поддержанного Научным фондом, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

полевой работы в общине неопятидесятников Санкт-Петербурга. На основе теоретического анализа с использованием феноменологического подхода, а также в процессе саморефлексии относительно позиций исследователя-полевого и исследователя-теоретика удалось выявить специфику наложения жизненного мира повседневности (А. Шюц) на мир науки и мир религии и показать, как пересобираются границы исследовательской субъектности, как избранная аналитическая позиция приводит к пониманию и концептуализации жизненного мира исследуемого сообщества, что происходит через ментальные процессы сближения, конфликта или расхождения с жизненным миром и позицией респондентов (неопятидесятников).

Важным результатом исследования является апробация общей схемы работы с этнографическими полевыми данными, что актуально в контексте проектной науки и междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: этнография; субъектность исследователя; феноменологический подход; жизненные миры

Введение

Эта статья стала возможной благодаря реализации проекта, в рамках которого предстояло проанализировать данные о религиозных группах Санкт-Петербурга. Объединенные общей задачей, мы пришли к идее описать разный опыт погружения исследователя в эмпирическое поле и разделили наше описание на два «я», первое из которых — это позиция исследователя-полевого, собиравшего эмпирические данные в ходе этнографической работы и имевшего устойчивую связь с полем и его субъектами, а второе — позиция исследователя-теоретика, пребывавшего в поле ситуативно и только в качестве независимого наблюдателя, своего рода ученого-фланера, анализировавшего сообщество с позиции социальных теорий.

Мы считаем, что данный методологический эксперимент способен проиллюстрировать ключевой исследовательский вопрос статьи: как именно практика, попадающая в фокус исследовательского внимания, становится транзитной точкой между миром науки и миром религии, основой понимания ситуации и акторов в пространствах научного или религиозного знания, точкой перехода от полевой работы к теории.

Феноменологический подход в поле религии

В данной работе мы опираемся на феноменологическую традицию Альфреда Шюца, определяющего реальность как одновременно объективное и интерсубъективное явление, разделяющее повседневность на множество жизненных миров: мир фантазии, мир рабочих операций, мир сновидений, мир религиозного опыта, а также другие специфические жизненные миры,

среди которых мир повседневности является верховным, универсальным онтологическим фундаментом других реальностей [Шюц, 2003; Ситников, 2019]. Универсальность повседневности объясняется тем, что она предшествует другим мирам в опыте субъекта: именно здесь человек сначала обретает физическое бытие и действует среди других людей, благодаря чему мир повседневности наделяется интересубъективностью [Шюц, 2003]. В теории Шюца практики и их воспроизводство субъектом в мире повседневности заключены в отдельную страту реальности — мир рабочих операций [Шюц, 2003: 12–15].

Миры повседневности образуют смысловые области, каузальность которых определяется соответствующим стилем восприятия и воспроизводства практик, ощущением времени и рефлексии своего «я» [Шюц, 2003]. Такой набор правил проживания жизненных миров А. Шюц называет когнитивным стилем, и именно этот элемент его феноменологической концепции наделяет жизненные миры их специфичностью.

Под специфичностью когнитивного стиля следует понимать «степень неподобности» практического опыта, дискурсов и физических практик (рабочих операций) [Шюц, 2003] разных жизненных миров, причем некоторые из них оказываются неуподобляемы друг другу. Так, мир религии является конечной областью смысла — его когнитивный стиль невозможно адаптировать к другим жизненным мирам [Ситников, 2019]. Из этого следует, что значимость феноменологического подхода при рассмотрении религиозного опыта верующих обусловлена его интересом к интересубъективности, что позволяет понять их способ восприятия и проживания реальности [Knibbe, Versteeg, 2008].

Несмотря на специфичность когнитивных стилей, границы между жизненными мирами могут быть проницаемы. Теория фреймов Ирвинга Гофмана демонстрирует возможность транспонирования (наложения) рамок реальности — частичного переноса стиля из одного жизненного мира в другой [Гофман, 2003: 101–108]. Аналогично, как пишет Алексей Ситников, возможно наложение миров науки и религии [Ситников, 2019].

И наука, и религия относятся к конечным областям смысла и характеризуются специфическим когнитивным стилем, который одновременно отделяет их от повседневности и связывает с ней посредством особых практик. Обе сферы используют действия, физически совершаемые в обыденной жизни, но осмысляемые как часть иной реальности [Шюц, 2003]. Например, наука теоретически переосмысляет повседневные действия, отрывая их от исходного контекста (включая в специальный научный дискурс), тогда как религия осмысляет обыденные поступки через призму взаимодействия с Богом. Применительно к нашему кейсу такое наложение мира науки на мир религии будет происходить в процессе объяснения смысла производимых практик в исследуемом неопятидесятническом сообществе с точки зрения социологической теории.

Феноменологическая рамка будет задействована путем экспериментального разграничения исследовательских позиций исследователя-полевика и исследователя-теоретика. Под разграничением в данном случае следует понимать способность «я» (то есть субъекта) [Шюц, 2003] социального

исследователя быть гибким, адаптироваться к различным жизненным мирам и соответствующим им когнитивным стилям без потери возможности возврата к исходному жизненному миру и когнитивному стилю науки.

Причина такого разграничения субъектностей обусловлена как контекстом коллективной работы в проекте для ускорения и облегчения анализа данных, так и особенностями самого формата предлагаемого методологического эксперимента. Нулевой координатой разграничения ролей стала разная степень включения в поле. Сбор данных и участие в полевой работе осуществлялся только одним исследователем, тогда как теоретик работал с уже готовым дневником наблюдений, представленным полевиком. Общей точкой аналитической работы и полевика, и теоретика стала кодировка дневников наблюдений с помощью устоявшихся процедур анализа. Обе позиции имеют как свои преимущества, так и свои ограничения, что отразилось на процессе анализа.

Так, позиция теоретика не позволяет привлечь автоэтнографические наблюдения, а его «транзигция» в жизненный мир неопятидесятников происходила опосредованно, через дневники другого исследователя. Позиция полевика в рамках предложенного эксперимента предполагает принятие заданной дедуктивно теоретической рамки и концепции жизненного мира в качестве аналитической схемы. И полевик, и теоретик в ходе анализа стремятся воссоздать процесс проникновения мира науки в мир религии, что создает общее пространство для дискуссии между двумя исследовательскими позициями.

Кто такие неопятидесятники

Неопятидесятники являются частью более широкого протестантского течения — евангельского христианства. Общими чертами евангелических церквей считается признание Библии в качестве ключевой опоры в вероучении и буквальное следование ее нормам в повседневной жизни, а также вера в духовное пробуждение, путь к которому лежит через признание искупительной жертвы Иисуса Христа [Robbins, 2004; Панченко, 2013].

Большую роль в пятидесятничестве имеет нарративная традиция, которая выражается в описании свидетельств о приходе к вере и о крещении Святым Духом (говорение, конверсионный нарратив) [Поплавский, Ключева, 2013]. Пятидесятническое движение не едино, и характер служений во многом зависит от места и локальной культуры, в которой находится церковь. Рассматриваемая нами церковь может быть отнесена к течению новых пятидесятников, возникшему в рамках харизматического движения церквей, в которых практикуется глоссолалия² и принимается идея крещения Святым Духом [Robbins, 2004; Ключева, Поплавский, Бобров, 2013].

Неопятидесятники относятся к харизматическому течению евангеликов. Это подразумевает веру участников церкви в чудеса и сверхъестественные

---

² Молитва на «иных языках», представляющая собой речевую практику, которая состоит из бессмысленных слов и неологизмов.

проявления Святого Духа [Wignall, 2016], личностный духовный рост, происходящий через улучшение отношений верующего с Господом [Кормина, 2013], яркие форматы служений, активное применение современных медийных технологий как для распространения информации в целях создания единой христианской среды [Meuer, 2010], так и для служений [Campbell, 2022]. Еще одной характерной чертой пятидесятничества становится восприятие идентичности человека как непостоянной, направленной на регулярные изменения [Meuer, 2010], что выражается в обретении новых культурных и социальных связей у неопитов после прихода к вере, а также в их стремлении совершенствоваться в своем духовном развитии. Такое развитие подтверждается верующими через нарративы о свидетельствах³ Божественного присутствия в их жизни.

(He) связаны одним полем: методология и этическая позиция

Данное этнографическое полевое исследование проводилось в крупной неопятидесятнической общине Санкт-Петербурга на протяжении трех лет, начиная с 2022 года. Работа предполагала изучение людей и их практик в контексте повседневности путем включенного наблюдения, то есть через погружение исследователя в повседневный мир информантов. В соответствии с этнографическим подходом анализ был направлен на детальную работу с неструктурированными данными при изучении небольшого числа случаев и интерпретацию значений наблюдаемой социальной реальности [Hammersley, Atkinson, 2019].

Полевая работа велась как во время служб и официальных церковных мероприятий, так и во время посещения домашних групп и совместного проведения досуга с прихожанами. Участвуя в практиках информантов, как религиозных, так и повседневных, исследователь-полевик стремился приблизиться к пониманию тех смыслов, которые лежали в основании жизненных миров [Шюц, 2003; Pula, 2020] неопятидесятников, и при этом сохранить свою академическую субъектность.

Основным источником эмпирических данных в рамках данной статьи являются полевые дневники, собранные исследователем-полевиком в период с 2022 по 2025 год, они же использовались в качестве базы исследователем-теоретиком. Эта особенность заслуживает отдельного уточнения, так как работа с чужими полевыми дневниками является дискуссионной [Форум..., 2018]. В социологической традиции анализ чужих дневников является отдельным исследовательским методом, чаще используемым для исследования эмоций, чувствительных аспектов повседневной жизни у информантов [Галкин, 2021]. Использование дневников именно социологов-исследователей для анализа

³ Рассказ верующего об обращении и/или о произошедших с ним чудесах и сверхъестественных событиях, отражающих Божественное присутствие в жизни человека.

с других исследовательских позиций встречается в академическом сообществе реже, и часто такие исследования имеют выраженный ретроспективный характер [Хаховская, 2021].

Тем не менее при написании данной статьи мы руководствовались тем, что в условиях ответственного отношения к этическим исследовательским принципам, а также с учетом всех сложностей при сохранении полевого опыта [Tiainen, Koivunen, 2006] чужие дневники могут быть важным источником данных. Сторонний взгляд на собранные данные помогает иначе интерпретировать исходный материал и тем самым расширить анализ.

В процессе написания данного текста как исследователь-полевик, так и исследователь-теоретик руководствовались принципом «не навреди» (информанту), являющимся частью профессиональной компетенции ученого [Гудова, 2019].

Мир исследовательской повседневности и мир религиозного опыта: точки разрывов и соприкосновений

Анализ дневниковых записей показал, что ключевым сюжетом, обозначающим границы двух разных видов исследовательской субъектности, становится конфликт. В нем проявлялось столкновение жизненного мира исследователя с жизненным миром исследуемых, в данном случае неопятидесятников, что выражалось в разной интерпретации тех или иных практик и ценностей, как религиозных, так и секулярных. С помощью метода обоснованной теории А. Страусса и Дж. Корбин [Страусс, Корбин, 2001], техник открытого и осевого кодирования в дневниках наблюдений полевого были выделены ключевые номинации, обозначающие конфликт: «Бог как ключевой актер», «расхождение практик», «разница интерпретаций», «критическая оценка наблюдателя». В дальнейшем, при более детальном анализе мы продемонстрируем, что именно эти точки расхождений становятся центральным моментом для обозначения и понимания жизненного мира неопятидесятников. Далее мы представляем анализ с двух позиций — исследователя-полевого и исследователя-теоретика.

Исследователь-полевик⁴

В этом разделе я представлю исследовательскую рефлексию относительно практик верующих с позиции исследователя-полевого. Чтобы понять intersubъективные (общеразделяемые) смыслы и практики общины неопятидесятников, мне было важно погрузиться в их повседневность. Свой статус социолога я никогда не скрывала от информантов. Такая открытость предполагала изначальное наличие дистанции между мной и прихожанами церкви. Участников общины объединяла вера и общая цель — жизнь с Богом,

⁴ Авторство данного раздела принадлежит Балацюк Е. С.

в то время как мое пребывание в сообществе было обусловлено исследовательским интересом. Постепенно выстраивая доверительные отношения с прихожанами, разделяя с ними свои собственные проблемы и сложности, я заслужила доверие с их стороны и возможность узнать об их жизни и переживаниях чуть больше, чем они говорят об этом публично.

Предполагалась открытость и в вопросе веры. В поле я часто представлялась как агностик, что в целом было близко моим личным взглядам и отношению к трансцендентному. Такая промежуточная позиция воспринималась не столь критично, как позиция атеиста, но для информантов означала мою меньшую осведомленность и степень экспертности в вопросах веры. Это позволяло услышать более подробные объяснения, иногда похожие на поучение и приобщение к опыту, но в то же время подразумевающие некое скептическое отношение к моим последующим интерпретациям со стороны евангеликов. В какой-то степени мои личные переживания о наукообразии моего языка и о разнице в интерпретациях резюмировала беседа с одним из прихожан церкви:

«Олег поделился своими впечатлениями от моей статьи о евангелической маскулинности. Как он сказал, ему она показалась интересной, только язык был „сверхзаумным“, а еще осталось впечатление, что я в ней „препарировала христиан“. Все это было сказано в шуточной форме, но теперь я задумываюсь, как сделать свои тексты более человечными» (Запись из дневника наблюдений, 27.03.2024).

Подобные различия проявились и в понимании целей самого исследования. Наиболее часто информантами озвучивалась идея, что я пришла к своему исследованию не случайно. После интервью или во время совместного времяпрепровождения прихожане церкви неоднократно интерпретировали мое нахождение в поле как «божественный промысел», который в итоге приведет меня к «самому прекрасному саду», то есть к обретению Бога. Сам же факт написания крупной исследовательской работы о евангеликах понимался ими как способ публичного высказывания о своей вере в условиях секулярного общества, то есть некая евангелизация, неосознанно, по их мнению, совершаемая мною:

«Мой знакомый Коля рассказал ей, что находится в духовных поисках. Полина, одна из участниц домашней группы, пошутила, что теперь он знает, в какую сторону стоит склониться, а обратившись ко мне сказала: „Ты хоть не христианка, а занимаешься благовестием“» (Запись из дневника наблюдений, 13.06.2024).

Такое расхождение в понимании причин моего присутствия в общине было обусловлено тем, что для моих информантов ключевым социальным актором являлся Бог. Именно этот сверхъестественный актор, по их мнению, предопределяет те или иные события в жизни. Рефлексивное распознавание

и принятие воли этого социального актора в своей повседневной жизни позволяет информантам производить альтернативные секулярным смыслом, составляющие их жизненный мир.

Расхождения между моим миром и жизненным миром моих информантов проявлялась и на уровне практик, наблюдение и включение в которые не всегда позволяло сопереживать. Ярче всего оно проявлялось во время молитв и глоссолалий: если для верующих это был момент соприкосновения с Богом, коммуникации с ним, то для меня эта практика стала инструментом для погружения в свои эмоциональные переживания.

«Толпа вокруг ощущалась как единый живой организм. На несколько минут я закрыла глаза, вслушиваясь в происходящее. Даже в такой атмосфере единения, с учетом усталости организма и потому как будто бы большей гибкости сознания, я ничего не ощущала. Мысленно я повторяла за пастором его молитву, как до этого иногда проговаривала строчки песен прославления. Но и это не возымело никакого эффекта. Видимо, моего сердца сложно коснуться» (Запись из дневника наблюдений, 08.08.2024).

Я так и не смогла сама пережить подобный опыт. Включенность в общение внутри церкви не дала бы здесь большего понимания практического опыта информантов. Ведь для них главным субъектом коммуникации выступает скрытый от меня актор — Бог, общения с которым я не могла достигнуть. Невозможность обуславливалась этическими соображениями: принятие дара Святого Духа предполагало связь с Богом и подтверждение статуса верующего, кем я не являлась ни в момент вхождения в поле, ни в момент, когда я его оставила. Непосредственное же перенимание схем поведения верующих могло привести к утрате созерцательной исследовательской позиции: именно подобные молитвенные практики стали границей размежевания меня с моим исследовательским полем.

Если говорить о расхождении смыслов, то здесь точками разрыва между мной и информантами являлись разница в понимании одних и тех же наблюдаемых событий и ценностные несовпадения, усиливающие ощущение чуждости исследователя в поле. Характерной была ситуация, где мое понимание сюжетов из Священного Писания не совпадало с пониманием членов церкви. Если для верующих отрывки из Писания выступали основанием для понимания собственной повседневности, мне такой перенос фрагментов Библии на личный жизненный опыт не казался релевантным:

«Сегодня мы разбирали 7 главу Послания к коринфянам. В моем ответе прозвучало предположение, что даже у верующих людей в семье могут быть разногласия и разные ценности. Антон заметил: у верующих супругов одна цель и путь (познание Бога), им вместе будет проще решать конфликты, не надо усложнять [понимание отрывка из Писания]» (Запись из дневника наблюдений, 24.08.2023).

Неоднократно ощущение чуждости подкреплялось ценностными несовпадениями. Это могло касаться как моего критического отношения к некоторым гендерным нормам внутри церкви (подчинение феминного маскулинному, гетеронормативность), так и моего отношения к некоторым социальным проблемам. Так, вера участников церкви в практики исцеления⁵ и их свидетельства об этом не соответствовали моим представлениям о физиологии человека. Более того, вера в исцеление и обсуждение возможности подобного чуда могли привести и к серьезному этическому вопросу: в какой мере я, как внешний наблюдатель, могу вмешиваться в порядок и установки людей, которые доверили мне свой опыт?

Точки соприкосновения и возможного принятия логики поля случались. В своих дневниках я обозначила это как переживание мистического опыта, давая ему как рациональную интерпретацию, так и озвучивая интерпретацию своих информантов:

«После нашего разговора Аня спросила: „Могу ли я за тебя помолиться?“ Я согласилась. Аня молилась за то, чтобы я получила свой „десерт“, то есть обрела веру в сердце. Аня также попросила проявить Его волю в моей жизни (...) На сегодня я запланировала покупку обуви. Я знала, во сколько мне обойдется по сумме покупка, но на кассе внезапно выяснилось, что „мне вообще повезло“. Оказалось, что с моей давней покупки в другом магазине в качестве бонуса начисляется скидка в 20%. Будь я верующей, подумала бы, что так Господь экономит мои финансы» (Запись из дневника наблюдений, 31.03.2024).

Этот эпизод показывает, что принятие жизненных смыслов изучаемой группы неопятидесятников становится способом облегчить транзит из жизненного мира моей повседневности в жизненный мир информантов. Интерпретация необъяснимого опыта и через рациональные категории, и через категории евангеликов позволяет временно погружаться в их повседневность, при этом сохраняя иную, рациональную систему интерпретаций.

Но не менее продуктивными с точки зрения понимания жизненного мира членов рассматриваемой общины были и описанные выше ситуации конфликта. Именно столкновение моих рационализирующих установок с миропониманием информантов позволило осуществить значимые для дальнейшей аналитической работы инсайты, например, выделить Бога в качестве ключевого социального актора, который предопределяет события в жизни верующего. Взаимодействия информантов с этим актором, выстраиваемые ими рефлексивные отношения становятся ресурсом к переопределению окружающей действительности, к производству интерпретаций, которые отличны от смыслов и ценностей секулярного общества (например, понимание исследовательской работы социолога как Божественного промысла).

⁵ Харизматические христиане верят в возможность сверхъестественного исцеления от физических заболеваний и/или психических расстройств.

Наложение мира науки и мира религии, таким образом, раскрывается через рефлексивную исследовательскую дистанцию, несовпадение интерпретаций (конфликт) и частичное усвоение логики поля в отдельных ситуациях. Мир науки и религии как системы значений исследователя и неопятидесятнической общины исходят из разных ориентаций — условного рационального академического знания (мир науки) и веры в Божественное предопределение (мир религии). Эти системы значений существуют параллельно друг другу, но во время проведения этнографической работы переживали столкновение. Сохраняемая дистанция с полем позволяет фиксировать моменты неперево-димости смыслов и практик, значимых для рассматриваемого сообщества неопятидесятников. Именно в расхождении интерпретаций и частичном усвоении логики поля (как было в случае переживания мистического опыта) можно было увидеть разницу между «их» и «моим» видением события, границы между нашими жизненными мирами.

Исследователь-теоретик⁶

Дальнейший текст представит анализ с позиции исследователя-теоретика. В исследовании повседневности любых сообществ центральным объектом наблюдения являются практики, в случае с изучением жизненного мира верующих такими значимыми практиками являются ритуалы, воспроизводимые в мире рабочих операций [Шюц, 2003]. Религиозные ритуалы представляют собой наглядные практики соприкосновения верующих с Богом, которые позволяют увидеть границы жизненного мира верующих.

В случае с неопятидесятниками граница оказывается более зыбкой на первый взгляд. Характерным примером здесь является отсутствие жесткой регламентации, контролирующей телесность человека: для посещения богослужений не нужно носить специальную одежду, то есть не нужно специфическим образом репрезентировать собственное тело. Нахождение в кругу таких же людей, визуально ничем не отличающихся от прохожих на улице, может создавать ощущение совпадения жизненных миров в связи с отсутствием выраженного напряжения, описываемого Шюцом как внимание [Шюц, 2003: 6], интерес к жизни [Шюц, 2003: 17]:

«Зал не был полностью заполнен, возможно, даже меньше чем наполовину. В основном присутствовали молодые люди — парни и девушки. В углу зала расположились взрослые с детьми. Визуально и прихожане, и выходящие на сцену зала служители и пасторы церкви напоминали мне самых обычных горожан. За время моего пребывания на службах в церкви я стала подмечать, что служители церкви в своем стиле стремятся воспроизвести образ успешного и современного человека. Это выражалось и в модных костюмах пасторов, и в трендовых образах из социальных сетей, которые примеряли на себя молодые прихожанки. Так и сегодня: группа прославления исполняла молитвы в привычной

⁶ Авторство данного раздела принадлежит Володину Д. М.

для меня повседневной одежде — белых футболках и джинсах» (Запись из дневника наблюдений, 21.10.2022).

Исследователю в начале его вхождения в поле может показаться, что ритуальные практики не имеют строгого расписания. Например, глоссолалии подразумевают достаточно индивидуальное воспроизводство телесности, не имеющее какой-либо строгой предписанной регламентации движений и речевых конструкций. Тем не менее в хронологии повседневного богослужения момент глоссолалий регулируется пастором, который задает тон молитвенному служению. Со стороны же может показаться, что достижение этого состояния возникает непредсказуемо и зависит от общения верующего со Святым Духом:

«Одна из женщин-пасторов молитвы начинает говорить на иных языках: „Давайте помолимся на языках, кто молится ... Дух Святой, твой поток наполняет меня“. Пожилая прихожанка рядом со мной в какой-то момент становится на колени и начинает молиться, повторяя за пастором слова как мантру либо просто говоря что-то и воздевая сложенные в молитвенном жесте руки» (Запись из дневника наблюдений, 19.12.2022).

Пример глоссолалий показывает не только неочевидность регулируемости ритуалов, но и индивидуалистическую ориентацию церкви, выражающуюся как в специфике религиозных практик прихожан, так и в организации пастором процесса богослужения в неопятидесятнической церкви. Так, ключевой принцип неопятидесятников заключен в принимаемой ими молитве покаяния: для духовного спасения достаточно принять веру в жертву Иисуса Христа, которая освобождает людей от грехов и способствует преобразению образа жизни (рождение свыше).

В действительности же понимание того, как должно достигаться это преобразование, может быть затруднено. Чтобы решить эту проблему, церковь предлагает верующему множество дополнительных услуг (например, бесплатные курсы, семинары, на которых неопит знакомится с устройством церкви и с основными положениями вероучения), которые будут помогать в индивидуальном духовном пути. Но верующий должен самостоятельно выстраивать отношения с Богом как на уровне телесных практик, так и на уровне рефлексии собственных духовных переживаний:

«Лизу расстраивает ситуация с внезапным заездом в одну из комнат нового соседа. Она относительно недавно заехала в одну из комнат и не была предупреждена о перспективе "сожительства" с мужчиной. Решение проблемной ситуации находится спустя час: Лиза вдруг начинает рассуждать, что, возможно, это ее испытание, шанс евангелизировать новых людей, которые сейчас живут во грехе. Она вспоминает пророчествование своего друга Стаса, сделанное для нее на днях,

и включает его голосовое сообщение с этим пророчеством. На записи я слышу голос мужчины, он говорит, что господь уготовил для Лизы „самый лучший из путей, о котором она даже не подозревает“» (Запись из дневника наблюдений, 06.07.2023).

Приведенная выше цитата показывает, как личное распознавание воли Бога прихожанкой церкви в случившейся с ней ситуации помогает найти новую позитивную интерпретацию. Это распознавание участия сверхъестественного актора выразилось через соотнесение двух изначально несвязанных событий: пророчества друга и внепланового соседства с незнакомым мужчиной. Точно так же индивидуализируется такая важная практика, как ощущение присутствия Святого Духа, которое никак не регламентировано. Не существует правил и предписаний, которые гарантируют верующему возможность встречи с ним, но именно эти переживания становятся референтом принадлежности к сообществу:

«Важной частью домашки стал момент обсуждения теста на дары Святого Духа: в одном из пособий для верующих был небольшой тест, результаты которого должны раскрыть для человека, к каким дарам он более расположен (исцеление, пророчествование...). Все отнесли без иронии к идее, что тест с наводящими вопросами может дать какое-то лучшее понимание своего духовного развития» (Запись из дневника наблюдений, 25.07.2024).

Описанная выше ситуация выступает и примером рационализации веры. Но рациональная составляющая такой духовной практики не предполагает критичного отношения к ней. Наоборот, прохождение подобного теста показывает, что хоть вера информантов и облекается в форму измеряемого с помощью конкретного инструмента опыта, она продолжает лежать в основе их системы обозначения мира вокруг. Кажущаяся схожесть религиозных практик неопятидесятников со светскими в итоге позволяет увидеть границы их жизненного мира, которые выстраиваются через способы производства смыслов.

Для исследователя такие точки иллюзорной схожести — удобный ракурс наблюдения, где отчетливо проявляются границы жизненного мира религии. В его основе лежит интерпретация информантами происходящих событий через призму божественной воли. За отсутствием внешних маркеров и кажущейся светскостью ритуалов находятся символические маркеры принадлежности к сообществу — это разделение веры в Бога и выстраивание с ним отношений, которые способствуют личностному духовному росту.

В перечисленных выше ситуациях исследователь наблюдает кажущуюся схожесть и зыбкость границ между привычным светским миром и миром религии. Но дальнейшее критическое отношение к наблюдаемым практикам обнажает несовместимость рациональной системы интерпретаций действий

с системой интерпретаций информантов. Турбулентность в зоне наложения жизненных миров религии и науки возникает и в тех ситуациях, где когнитивные стили членов религиозной общины конфликтуют с жизненными ценностями, установками исследователя (собственного «я»):

«Завершился этот насыщенный вечер молитвой, ближе к одиннадцати. Андрей читал общую молитву „за нужды“ и перед началом предложил взяться всем за руки. Я оказалась включенной в круг молящихся. За руку я держала с одной стороны Андрея, с другой — Илью, и я мысленно желала, чтобы никаких гетеросексуальных преобразований в итоге не случилось» (Запись из дневника наблюдений, 06.04.2023).

Когнитивный стиль науки не предполагает негативного отношения к негетеросексуальной ориентации, в отличие от жизненного мира рассматриваемой общины неопятидесятников. В представленном примере критическое отношение представителя мира науки рассогласуется с позицией жизненного мира исследуемого сообщества. Критика, вызванная рассогласованием ценностей разных жизненных миров, способствует сохранению дистанции, балансу исследователя как субъекта на границе между полями науки и религии. Хотя реализация качественного исследования предполагает соблюдение этических норм и сохранение нейтралитета в отношении правил и ценностей исследуемого сообщества, но это в то же время не исключает критическую позицию исследователя.

С точки зрения теоретического анализа наиболее важным объектом изучения оказывается мир рабочих операций (практики) с точки зрения наложения двух специфических жизненных миров — мира социальной науки и мира религии. В случае с неопятидесятниками наложение мира религии и мира науки происходит за счет иллюзии отсутствия границ и конфликта когнитивных стилей. Впечатление о зыбкости границ сообщества возникает как за счет визуального сходства практик неопятидесятников со светскими, так и за счет индивидуализации религиозного опыта неопятидесятников: приоритетным оказывается духовный рост каждого отдельного верующего, а не всего коллектива общины. Такой индивидуализм порождает и более гибкие способы воплощения веры, что в свою очередь может создать мнимое впечатление об отсутствии четкой регламентации религиозного опыта.

При этом в жизненном мире неопятидесятников и специфике их когнитивного стиля обнаруживаются определенные непроницаемые области, что связано с разницей в интерпретации рабочих операций жизненного мира неопятидесятников (глоссолатии, свидетельств), а также с конфликтом когнитивных стилей мира науки и мира религии. Осознание этой непроницаемости и фиксация конфликта ведут исследователя к осмыслению границ иного жизненного мира рассматриваемого сообщества через сопоставление выявленных различий.

Заключение

В самом начале аналитической части мы поставили вопрос о том, как именно в ходе анализа исследуемый социальный феномен становится объектом рассмотрения с позиции мира науки и мира религии, теории и этнографической полевой работы. В ходе анализа дневников, фиксирующих исследовательскую повседневность, а также обыденные практики самой наблюдаемой группы — общины неопятидесятников Санкт-Петербурга, можно отметить следующее.

Предложенное нами в начале разведение позиций исследователя-полевого и исследователя-теоретика оказалось удачным способом дополнить эмпирический материал дневников новыми интерпретациями. Позиции исследователя-полевого и исследователя-теоретика в случае проектного социологического исследования могут различаться по возможностям описания собранных данных и аналитическим выводам. Так, если в первом случае результаты работы представлены как насыщенная деталями, эмоциями и событиями картина, возникающая из полевых наблюдений, то во втором более приоритетной задачей является обобщение результатов в понятиях теоретической рамки исследования и сведение результатов обоих подходов.

Если полевик в своем анализе фокусировался на эмоциональных переживаниях и вопросах религиозных воззрений, то теоретик — на концептуализации событий с помощью феноменологической рамки жизненных миров. Если ситуации расхождения проживались полевиком лично, то теоретиком моменты конфликта интерпретаций обобщались в виде теоретической проблемы, которая демонстрировала наложение и пересечение двух систем значений — мира науки и мира религии.

Феноменологическая оптика позволила обозначить рефлексивность исследователя относительно когнитивного стиля изучаемого поля, а также гибкость выстраиваемой с полем дистанции. Важным моментом анализа стало не столько преодоление различий между жизненными мирами, сколько сопоставление противоречий и конфликта интерпретаций. Расхождения интерпретаций, возникающие при столкновении исследовательского рационализма с миропониманием неопятидесятников, выступили как условие для маркировки границ исследовательской субъектности. Сохранение же дистанции как осознание конфликта, расхождения, сближения позиций, как личная рефлексия (исследователь-полевик) и как теоретизация (исследователь-теоретик) позволили зафиксировать точки наложения и несовпадения миров.

Литература / References

Галкин К. А. Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.2> EDN: FQDPVM

Galkin K. A. (2021) Limited Space: Elderly People's Meanings of the City in the Time of Pandemic. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 13. No. 2. P. 27–40. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.2>

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Goffman E. (2003) *Analiz frejmov: esse ob organizacii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institut sociologii RAN. (In Russ.)

Гудова Е. А. О «травме методом» и эмоциональной работе полевого исследователя // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 2019. № 48. С. 58–82. EDN: [EFPAP](#)

Gudova E. A. (2019) On “Trauma by Method” and Fieldworker’s Emotional Work. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya:4M)* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)]. No. 48. P. 58–82. (In Russ.)

Клюева В. П., Поплавский Р. О., Бобров И. В. Пятидесятники в Югре (на примере общин РО ЦХВЕ ХМАО). СПб.: Издательство РХГА, 2013.

Klyueva V. P., Poplavsky R. O., Bobrov I. V. (2013) *Pyatidesyatniki v Yugre (na primere obshchin RO CHVE HMAO)* [Pentecostals in Yugra (on the Example of the Communities of the RO CCEF of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra)]. St. Petersburg: Izdatelstvo RHGA. (In Russ.)

Кормина Ж. В. «Гигиена сердца»: дисциплина и вера «заново рожденных» харизматических христиан // Антропологический форум. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2013. № 18. С. 300–320. EDN: [RDTBLN](#)

Kormina J. V. (2013) “Gigiena serdca”: disciplina i vera “zanovo rozhdenykh” harizmaticheskikh hristian [Heart Hygiene: Discipline and Faith of the “Born-Again” Charismatic Christians]. In: *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. St. Petersburg: Muzej antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. No. 18. P. 300–320. (In Russ.)

Панченко А. А. «Священный театр», тонкости морали и обряды перехода: антропология глобального христианства в современной России // Антропологический форум. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2013. № 18. С. 215–222. EDN: [RDTBJZ](#)

Panchenko A. A. (2013) «Svyashchennyj teatr», tonkosti morali i obryady perekhoda: antropologiya globalnogo hristianstva v sovremennoj Rossii [“Sacred Theatre”, Moral Issues, and the Rites of Passage: The Anthropology of Global Christianity in Present Day Russia]. In: *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. St. Petersburg: Muzej antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. No. 18. P. 215–222. (In Russ.)

Поплавский Р. О., Клюева В. П. «Как только я переродился...» конверсия и рассказы о ней в пятидесятнической традиции: структура и функции // Международный журнал исследований культуры. 2013. Т. 10. № 1. С. 35–41. EDN: [RTALWZ](#)

Poplavsky R. O., Klyueva V. P. (2013) Once I was Born Again. Conversion and Stories about the Pentecostal Tradition: Structure and Functions. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* [International Journal of Cultural Studies]. Vol. 10. No. 1. P. 35–41. (In Russ.)

Ситников А. Подход к анализу религиозной реальности в социальной феноменологии Альфреда Шюца // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 3. С. 309–327. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-3-309-327> EDN: [BXMKRA](#)

Sitnikov A. (2019) An Approach to the Analysis of Religious Reality in the Social Phenomenology of Alfred Schutz. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 18. No. 3. P. 309–327. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-3-309-327>

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Strauss A., Corbin J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures, and Techniques]. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Форум: От поля к тексту // Антропологический форум / Под ред. А. Байбурина. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2018. № 36. С. 11–114. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-36-11-114> EDN: [XQVTGP](#)

Vajburin A. (ed.) (2018) Forum: Ot polya k tekstu [Forum: From Fieldwork to Written Text]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. St. Petersburg: Muzej antropologii i etnografii

im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. No. 36. P. 11–114. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-36-11-114>

Хаховская Л. Н. Полевые этнографические исследования как личный опыт (на материале дневников женщин-исследовательниц) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. Т. 55. № 1. С. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-1/62-72> EDN: PHWQKF

Khakhovskaya L. N. (2021) Fieldwork as a Personal Experience: Analyzing Women's Fieldworks Diaries. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dalnem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East]. Vol. 55. No. 1. P. 62–72. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-1/62-72>

Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34. EDN: TRRQVT

Schutz A. (2003) On Multiple Realities. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 3. No. 2. P. 3–34. (In Russ.)

Campbell H. (2022) *Digital Religion: Understanding Religious Practice in Digital Media*. Abingdon: Routledge.

Hammersley M., Atkinson P. (2019) *Ethnography: Principles in Practice*. London: Routledge.

Knibbe K., Versteeg P. (2008) Assessing Phenomenology in Anthropology: Lessons from the Study of Religion and Experience. *Critique of Anthropology*. Vol. 28. No. 1. P. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.1177/0308275X07086557>

Meyer B. (2010) Pentecostalism and Globalization. In: A. Anderson (ed). *Studying Global Pentecostalism: Theories and Methods*. Los Angeles; London: University of California Press. P. 113–130. DOI: <https://doi.org/10.1525/california/9780520266612.003.0007>

Pula B. (2020) From Habitus to Pragma: A Phenomenological Critique of Bourdieu's Habitus. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 50. No. 3. P. 248–262. DOI: <https://doi.org/10.1111/jtsb.12231>

Robbins J. (2004) The Globalization of Pentecostal and Charismatic Christianity. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 33. P. 117–143. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.32.061002.093421>

Tiainen T., Koivunen E. R. (2006) Exploring Forms of Triangulation to Facilitate Collaborative Research Practice: Reflections from a Multidisciplinary Research Group. *Journal of Research Practice*. Vol. 2. No. 2. P. 1–16.

Wignall R. (2016) "A Man after God's Own Heart": Charisma, Masculinity and Leadership at a Charismatic Church in Brighton and Hove, UK. *Religion*. Vol. 46. No. 3. P. 389–411. DOI: <https://doi.org/10.1080/0048721X.2016.1169452>

Сведения об авторах:

Балацук Елизавета Сергеевна — младший научный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** ebalatsyuk@hse.ru. **ORCID ID:** 0000-0002-1117-305X.

Володин Даниил Михайлович — стажер-исследователь, Лаборатория урбанистических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** ancienttneicna@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 12.05.2025

Принята к публикации: 13.07.2025

БАК 5.4.1.

The Permeable Boundaries of Research Subjectivity in the Religious Field

DOI: 10.19181/inter.2025.17.3.4

Elizaveta S. Balatsyuk HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: ebalatsyuk@hse.ru

Daniil M. Volodin HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: ancienttneicna@gmail.com

The article addresses the problem of delineating the boundaries of research subjectivity in the course of ethnographic work. Separating the roles of the researcher-as-fieldworker and the researcher-as-theorist is proposed as a methodological experiment that enables a deeper analysis of empirical material. As an empirical case, the authors draw on observation diaries collected during fieldwork in a neo-Pentecostal congregation in St. Petersburg. Based on theoretical analysis within a phenomenological approach, and through self-reflection on the positions of the researcher-as-fieldworker and the researcher-as-theorist, the study identifies the specificities of analyzing empirical data and of overlaying the lifeworld of everyday life (A. Schutz) onto the worlds of science and religion. It shows how the boundaries of research subjectivity are reassembled — how the researcher's stance leads to the understanding and conceptualization of the community's lifeworld through mental processes of rapprochement, conflict, or divergence with the lifeworld and position of respondents (neo-Pentecostals).

An important outcome of the study is the testing of a general framework for working with ethnographic field data, which is pertinent in the context of project-based science and interdisciplinary research.

Keywords: ethnography; researcher subjectivity; phenomenological approach; life-worlds

Authors Bio:

Elizaveta S. Balatsyuk — Junior Researcher, Center for Youth Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** ebalatsyuk@hse.ru. **ORCID ID:** 0000-0002-1117-305X.

Daniil M. Volodin — Trainee-Researcher, Laboratory for Urban Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** ancienttneicna@gmail.com.

Received: 12.05.2025

Accepted: 13.07.2025